

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

ДРЕВНОСТИ ЮГА РОССИИ

Памяти А.Г. Атавина

**МОСКВА
2008**

А.В. Комар
(ИА НАНУ, Киев)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО СЕДЛА В VII — 1-Й ПОЛ. VIII ВВ.

Вопрос эволюции раннесредневекового жёсткого седла в отечественной историографии поднят давно в основном в контексте тюркской археологии, хотя и с привлечением восточноевропейских материалов. Но в оценке последних среди исследователей не наблюдается единства в первую очередь из-за расхождений в выборе хронологически значимых признаков.

А.А. Гаврилова положила в основу своей эволюционной схемы форму передней луки седла, в которой седло из Бородаевки было отнесено к «кудыргинскому» типу и заняло позицию в рамках периода (VI–VII вв.), а седла из Галиатского склепа были выделены в «галиатский» тип (VIII–X вв.), хотя и по ошибочно воспринятой как передней задней луке одного из седёл (Гаврилова, 1965. С. 85, 86). В эволюционной схеме С.И. Вайнштейна главными типобразующими признаками стали уже форма деревянных полок ленчиков и передней луки, по которым седла из Галиата были отнесены к типу III (VII–VIII вв.), а седло из Бородаевки оценено как переходное от типа III к типу IV (VIII–IX вв.) (Вайнштейн, 1966. С. 67–74; 1972. С. 132–136). Работа А.К. Амброза (Амброз, 1973) ставила перед автором несколько другие задачи — превратить форму седла и стремени в хронологический признак, оттолкнувшись от хорошо датированных памятников. В результате, в

основу классификации были положены форма ленчиков и лук седла с привязкой к датированным китайским изображениям, а два из выделенных трёх основных типов получили названия по правящим китайским династиям: «вэйский» и «танский». Сёдла из Бородаевки и Галиата попали в разряд «танских», датированных VIII в. (Амброз, 1973. С. 97; 1981. С. 13) Отталкиваясь от этой схемы, свою хронологическую таблицу развития седел предложил и Л.Р. Кызласов, в которой седло из к. 17 Чир-Юрта отнесено к третьему периоду (VII–VIII вв.), а седло из Бородаевки — к пятому (IX–X вв.) (Кызласов, 1979. С. 135–138. Рис. 96).

Как видим, наибольшие расхождения у исследователей вызвала позиция седла из Бородаевки — VI–VII вв., нач. VIII в., VIII–IX вв., IX–X вв. Не меньшие сложности вызовет, к примеру, и попытка датировать в рамках предложенных схем седло из к. 7 Петрунино IV (Круглов, 1992. Рис. 2, 10), которое по форме ленчиков без лопасти и высокой вертикальной передней луке может быть отнесено к ранним вариантам «вэйского» седла VI в. или даже «цинского», хотя в реальности найдено вместе с монетой 756/757 г. Существование в VIII в. особой линии развития передних луков у авар и тюрков «катандинской» традиции особо оговаривал и сам А.К. Амброз, предполагая, впрочем, что речь идёт о вариациях тех

же «танских» седел, основываясь на сходстве стремян (Амброз, 1973. С. 97). Но обкладки седла из среднеаварского п. 186 Тисафюреда, найденные, что показательно, с «архаическим» типом стремян, напоминающих стремени VI в. (Гавритухин, 2001. Рис. 19), свидетельствуют об использовании аварами до нач. VIII в. массивных высоких вертикальных лук (передняя высокая трапецевидная и задняя пониже, дуговидная), прозрачно указывая именно на «вэйские» истоки этого типа седла, лишь слегка модифицированного.

Если в случае с аварами мы ещё можем говорить о консервации принесённого с востока в сер. VI в. типа седла, то каким образом объяснить сосуществование вариаций «вэйских» и «танских» седел в VIII в. у тюрков Алтая и Тувы («кокзельская» и «катандинская» линии), а также в Восточной Европе? А.А. Гаврилова предположила существование «женских» и «мужских» вариантов седел, отталкиваясь от находок лук «катандинского» типа в основном в женских погребениях (Гаврилова, 1965. С. 85, 86). В пользу такого предположения могла бы свидетельствовать танская статуэтка всадницы VII в. из Астаны, где седло изображено с вертикальными передней и задней луками (Watt, 1990. Fig. 76), но, например, на мужской статуэтке нач. VIII в. седло изображено с наклонной задней лукой и массивной высокой вертикальной передней (Watt, 1990. Fig. 82). Очевидно, заметное разнообразие типов седел на китайских статуэтках эпохи Тан служит хорошим показателем, что параллельное развитие различных типов седел действительно объяснялось их разным назначением, разной техникой верховой езды. Хронологическому же определению подлежит не время бытования типа седла, а лишь появление инноваций.

Оценить направление эволюции восточноевропейских седел VII — 1-й пол. VIII вв. позволяют существующие дробные системы хронологии этого периода (Комар, 1999; 2006; Гавритухин, 2005). На сегодня относительные позиции комплексов с седлами не вызывают противоречий, а различные оценки касаются только абсолютных дат, также, впрочем, разнящихся лишь в пределах четверти столетия. Не вызывает сейчас сомнений и принадлежность к V в. погребений группы Мелитополя,

относимых ранее А.К. Амброзом в VII в., (Засецкая, 1994; Комар, 2000), что позволяет выделить соответствующий тип седел (Дмитриев, 1979. Рис. 5) как характерный именно для гуннской эпохи (V — сер. VI вв.).

Появление в Восточной Европе седла нового типа связано с кочевниками — носителями перещепинской культуры (Комар, 2002; Плетнёва, 2003). Наиболее ранний экземпляр седла VII в. происходит из п. 2 к. 3 Сивашовки (Комар, Кубышев, Орлов, 2005. Рис. 23–25). Дата комплекса подробно аргументирована нами (Комар, Кубышев, Орлов, 2006; Комар, 2006) — его формирование приходится на период второй-третьей четвертей VII в., а абсолютные рамки горизонта Сивашовки определяются монетными реперами: [post] 643 — [post] 669 гг.

Деревянные части сивашовского седла плохой сохранности: полки ленчиков в поле взяты лишь частично, фрагментирована задняя лука, а передняя лишь оставила отпечаток на кольчужной бармице. Основой реконструкции полок ленчиков стали полевые фотографии (Комар, Кубышев, Орлов, 2006. Рис. 23, 1, 2). Это были прогнутые пропорционально вытянутые полки со слабо выделенными в профиль (во всяком случае так представляется по сохранившимся частям), но заметно отогнутыми в стороны «лопастями», состоявшие из массивной деревянной доски в передней и центральной части и более тонкой дощечки в задней (Рис. 1, 16). Узкая дуговидная слегка наклонная задняя лука уверенно реконструирована по сохранившемуся фрагменту (Рис. 1, 15). Реконструкция передней луки (Рис. 1, 14) более проблематична, поскольку она получена путём моделирования по отпечатку на кольчужной бармице, защищавшей всадника от копейного удара в промежутках между полками, но здесь несомненен профиль луки и её расположение на полках (Рис. 1, 16). Судя по высоте бармицы, седло возвышалось над холкой на 16 см, из которых около 10 см приходилось на ленчик. Расположение деталей подпруги указывает на то, что седло крепилось при помощи одной подпруги и подхвостового ремня.

Следующий хронологический горизонт Уч-Тепе — Келереги ([post] 669 — [post] 698 гг.) представляет седло из п. 5 к. 9 Бородаевки

(Синицын, 1947. Табл. IX). Позиция комплекса в рамках этого горизонта не безусловна, но прямоугольные бронзовые бесщитковые пряжки, подобные бородаевской (Синицын, 1947. Рис. 88), происходят из двух комплексов именно этого горизонта — Арцибашева и Келегеев. Ленчики бородаевского седла (Рис. 1, 13) на 5 см длиннее, чем сивашовские (60 см), но передняя лука здесь посажена ближе к сиденью, что нивелировало разницу в длине полок. Прогиб ленчиков чуть меньше, лопасти сильнее выражены в профиль, на заднем конце доски также утончаются. Передняя и задняя луки (Рис. 1, 11, 12) дуговидные; также, как и в Сивашовке, выше передняя, но её тип другой — это прямая вертикальная лука, слегка отклонённая назад в силу посадки седла. Седло возвышалось над холкой на 21 см, из которых 14 см приходилось на ленчик.

В Перещепине от седла сохранились только две декорированные пальметтами дуговидные обкладки (Рис. 1, 9, 10) верхнего края лук (Залесская и др., 1997. Кат. 88). Так же, как и в Бородаевке, луки вертикальные, выполненные из тонких дощечек. Это несомненно не массивные луки седла «вэйского» типа, но они всё же в полтора раза шире, чем бородаевские, что предусматривает более глубокую посадку седла.

Луки близких форм и пропорций, судя по костяным обкладкам, находились и в п. 2 к. 1 Шиловки (Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. Табл. XII, 1), принадлежащего к горизонту Шиловки-Романовской (698–725 гг.). Их примечательность на этом не ограничивается, поскольку на одном из фрагментов изображения четыре оседланных коня (Рис. 2, 1). Все четыре передние луки высокие вертикальные, слегка отогнутые назад (Рис. 2, 2–5), задние невысокие, также наклонены назад. У седла № 2 автор (рис. 2, 4) подчеркнул дуговидную форму передней луки, остальные изображены более массивными. Ленчики лишь слегка прогнутые, без лопастей, напоминают экземпляры из к. 7 Петрунино IV (Круглов, 1992. Рис. 2, 10), а изображения седел в целом близки изображениям седел на лошадях ковша IX в. из Коцкого городка (Рис. 2, 6, 7). В ближайшем хронологическом окружении подобной формы полок пока не известно, что заставляет предполагать схематичность изоб-

ражений, сместивших лопасти полок к переднему краю. Посадка седел № 1, 2 (Рис. 2, 4, 5) на лошадях высокая, и лишь у седла № 3 (Рис. 2, 3) на заднем конце возвышается над холкой только лука. Судя по рисунку первой лошади (Рис. 2, 1), седла крепились, так же, как и в Сивашовке, при помощи одной подпруги и подхвостного ремня.

Синхронен горизонту Шиловки к. 17 Чир-Юрта (Магомедов, 1975. Рис. 1, 15). Его дата определяется изогнутой саблей и изображением сабли с С-образными скобами ножен на костяной накладке передней луки, а также по накладке с пальметообразным декором стиля Вознесенского комплекса. От седла сохранились правая полка (Рис. 1, 8), а также обкладки передней и задней луки, по которым можно предложить их условную реконструкцию (Рис. 1, 6, 7). Передняя лука здесь близка в общих чертах кудыргинской (Рис. 3, 1), но не ясна степень её наклона, который, судя по способу и месту крепления луки, был направлен наружу. Задняя лука получилась несколько шире, чем луки из Сивашовки и Бородаевки, но по расстоянию между концами она могла быть даже более широкой. По сравнению с седлами из Сивашовки и Бородаевки ленчик укороченных пропорций (Рис. 1, 8), сходный с пропорциями седла № 1 шиловского рисунка (Рис. 2, 5); лопасти выделены, но передний конец полки обломан. Также новая деталь — сиденье выделяется контуром не только в месте крепления задней, но и передней луки. Последняя, судя по расположению отверстий для крепления, была изготовлена из тонкой дощечки и закреплялась вертикально в силу посадки седла с небольшим наклоном вперёд. На изображении костяной накладки передней луки видны подхвостный ремень и контурно центральная подпруга, но передняя часть лошади отсутствует, поэтому не ясно, не было ли и нагрудного ремня.

Наконец, следующий хронологический горизонт Галиат-Геленовка (около 725–740 гг.) связаны два седла из Галиатского склепа (Крупнов, 1938. Рис. 2; Конь и всадник ..., 2003. Кат. 110), датированного не ранее 700/701 г. арабским дирхемом ал-Басры. Отметим сразу, что сбруйные комплекты склепа несколько асинхронны, поскольку «восьмёркообразные» стремени горизонта Вознесенки

сочетаются с уже классическими раннесалтовскими аркообразными. Седла различаются по пропорциям: ленчик одного длинный, близкий седлу из Бородаевки (Рис. 1, 5), второго укороченный (Рис. 1, 3); лопасти выделены, но у данного седла ширина лопасти аналогична лопастям седел из Бородаевки и Чир-Юрта, тогда как у короткого значительно уже; сиденье, так же, как и у седла из Чир-Юрта, выделено утолщение полки как в районе задней, так и передней луки. Длинное седло сохранилось в разобранном состоянии, поэтому А.А. Гаврилова и посчитала его заднюю луку (Рис. 1, 4) передней (Гаврилова, 1965. Рис. 17, 3). На самом деле от задней луки второго седла (Рис. 1, 2) её отличают только длина концов, пропорциональная длине самого седла. Обе задние луки широкие, наклонные, с аркообразным вырезом по центру. Однотипны согласно Е.И. Крупнову и передние луки, хотя о луке длинного седла у нас, к сожалению, нет информации. Лука укороченного седла массивная, подтрапецевидная, посажена с наклоном вперёд (Рис. 1, 1). В смонтированном состоянии передняя лука несколько выше задней.

Как видим, выборка восточноевропейских седел VII — 1-й пол. VIII вв. в нашем распоряжении пока невелика, но её ценность в достоверной хронологии.

По пропорциям ленчиков выделяются два варианта седел: «длинные» — Сивашовка, Бородаевка, Галиат-1 (Рис. 1, 5, 13, 16), Шиловка-3, 4 (Рис. 2, 2, 3); и «короткие» — Чир-Юрт, Галиат-2 (Рис. 1, 3, 8), Шиловка-1, 2 (Рис. 2, 4, 5). Трудно сказать, чем вызваны эти различия, но в первом варианте представлено несомненно боевое седло из Сивашовки, тогда как во втором — парадное седло из Чир-Юрта. Конструкция деревянных полок также разбивает седла на две группы: I — седла из Сивашовки и Бородаевки; II — к. 17 Чир-Юрта и галиатские седла с утоньшением не только заднего, но и переднего края полок. Учитывая, что во второй группе оказались только седла VIII в., вполне возможно, что это хронологический показатель.

По форме передней луки в первый вариант выделяется реконструированная наклонная лука седла из Сивашовки (Рис. 1, 14). Внешне ей близка массивная лука галиатского седла

(Рис. 1, 1), которая также слегка наклонена вперёд, но по конструкции ей несомненно ближе лука из тонких дощечек. Из последних наклон вперед с небольшим изгибом, возможно, имела лука седла из к. 17 Чир-Юрта, но она ближе ко второму варианту. Второй вариант представляют дуговидные тонкие луки седел из Бородаевки, Перещепины и к. 1 Шиловки (Рис. 1, 9, 11; Рис. 2, 1, 4); третий — массивные подтрапецевидные вертикальные луки седел из Галиата (Рис. 1, 1).

По форме задней луки выделяются две группы: с узкой дуговидной слегка наклонной назад лукой — Сивашовка, Бородаевка, Перещепина (Рис. 1, 10, 12, 15) и с более широкой выступающей лукой — к. 17 Чир-Юрта, Галиат (Рис. 1, 2, 4, 7). Но по конструкции деление на варианты всё же другое.

Вариант 1 — узкие луки из Сивашовки и Бородаевки (Рис. 1, 12, 15). Такие луки не служили опорой для спины и лишь фиксировали подушку седла.

Вариант 2 — более высокие луки с выступающей над подушкой частью, декорированной металлическими или костяными накладками из Перещепины и к. 17 Чир-Юрта (Рис. 1, 7, 10). Сходство луки из этих двух комплексов подчёркивает и редкая форма концов накладок из Чир-Юрта, которую наблюдаем и в обжимке края большой накладки на луку из Перещепины (Рис. 1, 9).

Третий вариант — крупные наклонные луки с вырезом по центру из Галиата (Рис. 1, 2, 4). Такие луки крупнее передних, но по высоте оказывались ниже. Хронологические изменения здесь читаются в три этапа: небольшие луки седел из Сивашовки и Бородаевки, затем более высокие и широкие луки из Перещепины и Чир-Юрта, сменяющиеся ещё более крупными луками из Галиата. Второй вариант объяснения разницы в конструкции луки между первыми двумя группами седел может сводиться к их назначению. Вторая группа несомненно парадная, тогда как первая, судя по седлу из Сивашовки, — боевая. В этой связи, невысокая задняя лука создавала более благоприятные условия для джигитовки, важной в бою для уклонения от копейных и сабельных ударов.

Как видим из хронологической таблицы (Рис. 1), меньше всего изменений в VII — 1-й

пол. VIII вв. претерпела форма ленчиков, в VIII в. усложнилась лишь конструкция переднего края полок под крепление нового типа передней луки. Сама передняя лука прошла эволюцию от тонкой изогнутой наклонной вперёд, до практически вертикальной массивной подтрапещиевидной, пройдя этап вертикальной дуговидной. Эволюция же задней луки постепенно превратила символический невысокий фиксатор седельной подушки в широкую наклонную заднюю луку, оказывавшую небольшую поддержку для поясницы и бедер.

Все рассмотренные восточноевропейские седла VII — I-й пол. VIII вв. в целом принадлежат к одному типу, в рамках которого выделяются хронологические варианты по форме передней и задней луки. Какова позиция этого типа седла на фоне седел синхронных соседних культур и более ранних периодов?

Версия А.К. Амброза о существовании седла «кокзельского» типа уже в гуннское время (Амброз, 1979), основанная на ошибочной и во многом эмоциональной реакции на статью А.В. Дмитриева (Дмитриев, 1979), судя по возвращению самого автора к прежним взглядам в следующей работе (Амброз, 1981), стала лишь эпизодом в историографии. Реальное седло V — I-й пол. VI вв. убедительно реконструировано по материалам могильника Дюрсо А.В. Дмитриевым (Дмитриев, 1979. Рис. 5). Во 2-й пол. VI в. новый тип «северновэйского» седла принесли в Европу авары. Короткий прямой ленчик с лопастями при высоких массивных передней и задней луках позволяли использовать такое седло лишь в сочетании со стремянами, которых пока не найдено ни в одном из восточноевропейских погребений 2-й пол. VI — I-й пол. VII вв. Как это ни парадоксально, но стремян не найдено и ни в одном из кочевнических комплексов 2-й пол. VII — нач. VIII вв. с жесткими седлами, за исключением Перещепины. Столь явная закономерность подсказывает использование кочевниками архаичной техники бесстремяной езды, сохранявшейся в это время у алтайских тюрков (Вайнштейн, 1966. С. 66), и даже в Китае (Chirshman, 1962. Pl. 447; Yetts, 1927). «Местная» европейская эволюция седла с лопастями, созданными для удобства посадки в седле со стремянами, в такой ситуации совер-

шенно невозможна, причём даже у авар к началу II среднеаварского периода наблюдаем всё тот же модифицированный тип «северновэйского», а не «танского» седла.

На византийской мозаике нач. VI в. со сценой охоты из Антиохии (Art through fifty centuries..., 1948. Fig. 19) один из всадников изображен со сложным рефлексирующим луком, несомненно заимствованным у кочевников, но следов ни передней, ни задней лук седла не наблюдается ни на одном из изображений. Это свидетельствует о продолжении использования византийцами до VI в. мягкого римского седла (см: Connolly, van Driel-Murrey, 1991). Но уже на мозаике 578 г. из Киссуфима перед всадником схематически изображена возвышающаяся передняя лука (Cradle of Christianity, 2000. P. 79). Более чётко массивная вертикальная передняя лука изображена на египетской фреске VI–VII вв. из Бауита (Byzantine women..., 2003. Fig. 24). Её форму можно представить по прорезной золотой накладке 2-й пол. VI в. (Rom und Byzanz..., 1998. Kat. 163), крепившейся на массивную высокую вертикальную луку. На известном шёлковом изображении из Мозака, датировавшемся разными исследователями от VII–VIII до X–XI вв. (Pierce, Tyler, 1936. Pl. IIc; Byzance, 1992. Kat. 132), а согласно исследованиям А. Мутесиус относящемся к VIII в. (Muthesius, 1997. P. 175), видна более легкая изогнутая вертикальная передняя лука, крепившаяся к полкам спереди, и невысокая наклонная задняя. Ещё ниже высота передней луки на изображении из Маастрихта VIII–IX вв. (Muthesius, 1997. Fig. 21b). Задняя лука на рисунках тканей и фресок VI–VII вв. практически не заметна, лишь на тканях VIII–IX вв. она слегка выделена или же достигает половины высоты передней (Byzance, 1992. Kat. 132; Muthesius, 1997. Fig. 25a; 25b; 26a).

Ни на одном из известных нам изображений византийских всадников VI–IX вв. не обозначены выступающие лопасти седла, их наличие можно подозревать разве только на шёлке из Милана (VIII–IX вв.) (Muthesius, 1997. Fig. 25a). Византийская конструкция жёсткого седла, судя по времени его появления и типу передней луки скорее всего заимствована у авар, подражание снаряжению

всадника которых прямо засвидетельствовано в «Стратегиконе» Псевдомаврикия (Маврикий, 1903. Кн. 1, гл. 2). И, показательно так же, как и у авар, эта конструкция претерпела мало изменений со 2-й пол. VI до IX в. Единственный вопрос, который остаётся открытым и для аварского, и для византийского седла: включала или конструкция ленчика лопасти?

Близкой византийской, судя по накладкам на переднюю луку из п. 5 Носера Умбра и п. 119 Кастель Тросино (Magistra Barbaritas..., 1984. Fig. 117; 415), в VII в., возможно, было лангобардское седло. Но в 1-й пол. VI в. лангобарды ещё пользовались «гуннским» седлом с характерными для него обкладками (Magistra Barbaritas..., 1984. Tav. IV); позже, как от том свидетельствует изображение оседланной лошади короля Ротаря в рукописи XII в. (Magistra Barbaritas..., 1984. Fig. 47), у лангобардов закрепился тип седла с прямыми полками, вертикальной передней и слегка отогнутой назад задней лукой приблизительно той же высоты. Массивная высокая задняя лука, а также полки без лопастей, указывают на происхождение этого типа седла от «гуннского», что делает возможность византийского или аварского влияния минимальным.

На изображениях персидских царей V–VII вв. видны седла с дуговидной передней лукой средней высоты с вертикальной посадкой или с небольшим наклоном назад, крепившаяся к полкам спереди; задняя же лука, судя по её неяркости, лишь фиксировала подушку (Splendeur des Sassanides, 1993. Fig. 63; kat. 49; 61). Существует и вариант более массивной передней луки, посаженной вертикально, но загнутой вперёд, отмеченный как в раннесасанидское время, так и в нач. VIII в. (Splendeur des Sassanides, 1993. Kat. 50; 54). И лишь на блюде постсанидского времени, имитирующей изображение одного из раннесасанидских царей (Splendeur des Sassanides, 1993. Fig. 135), а также на одной из ранних гемм (Chirshman, 1962. Pl. 295d) наблюдаем седло с одинаково высокими передней и задней луками, слегка наклонными назад. Похоже, что персы уже в V в. отказались от ограничивавшей свободу движения массивной задней луки, и в таком виде седло просуществовало без изменений до времени Хосрова II. С бородаевским седлом (Рис. 1,

13) персидское седло сходно невысокой, фактически символической задней лукой, а также дуговидной формой передней. Сивашовскому же седлу (Рис. 1, 16) близка наклонная передняя лука изображения нач. VIII в. (Splendeur des Sassanides, 1993. Kat. 54). Но в то время, как на восточноевропейских седлах передняя лука крепилась на деревянные полки сверху, в сасанидском седле она скорее крепилась спереди; открыт и вопрос наличия лопастей на ленчиках персидского седла.

Наиболее подробно эволюция седла разработана для китайских материалов (Вайнштейн, 1966; 1990; Вайнштейн, Крюков, 1984; Амброз, 1973; Goodrich, 1984; 1986). В эпоху второго царствования династии Цинь (265–420 гг.) широко распространяется высоко посаженное деревянное седло в виде двух прямых полок с очень высокими сплошными дуговидными луками равной высоты (Вайнштейн, Крюков, 1984. Рис. 8–11). «Циньское» седло с успехом использовалось в Корее до VI в., а в Японии — до VII в. (Вайнштейн, Крюков, 1984. Рис. 12; 13). Тип передней луки этого седла известен благодаря аналогичным археологическим находкам в Корее (Goodrich, 1984. Pl. II) и в Японии (Kidder, 1987. Abb. 2; 3). Но в Китае к сер. VI в., как свидетельствует о том изображение 554 г. времени правления Северного Вэй, возникает новый тип седла с коротким ленчиком с плоскими лопастями, названный А.К. Амброзом «вэйским» (правильнее: «северновэйским») типом (Амброз, 1973. С. 96; Рис. 2, 15; 5, 3).

«Северновэйский» тип седла использовался как минимум до нач. VII в. (Dien, 1981. Pl. XXI), но уже к 576 г., в конце эпохи Северного Вэй, в Северном Китае появился тип седла с наклонной вперёд высокой передней лукой и более низкой задней (Вайнштейн, Крюков, 1984. Рис. 15), которое в таком случае, чтобы отличить от «северновэйских», можно назвать «суйским» по началу новой династии с 581 г. Серия китайских статуэток с изображением похожего седла с очень высокой наклонной передней лукой и невыделенными лопастями довольно многочисленна, хотя часть их несомненно относится к эпохе Тан (Hobson, 1919. Pl. IIC; Jayne, 1930; Yettes, 1947. Pl. D и др.). По мнению С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова, археологическим экви-

валентом такого седла могло быть тюркское деревянное седло «кокэльского» типа (к. 2 Кокэля) (Вайнштейн, Крюков, 1984. С. 129), но этому противоречит не только датировка кокэльских погребений, но и высокая передняя лука, которую не наблюдаем в кокэльских седлах. «Заглянуть под попоны» лошади мы, разумеется, не в состоянии, но на рисунке бросаются в глаза несколько конструктивных элементов седла: высокая широкая наклонная передняя лука, невысокая, но достаточно широкая наклонная задняя лука, а также отсутствие даже контурного намёка на выступающие в стороны отогнутые лопасти; ленчик выглядит прогнутым, но скорее этот результат достигнут наложением подушки на переднюю и заднюю луки (Рис. 3, 12). Археологическим эквивалентом такого седла, на наш взгляд, может быть тюркское седло из к. 1 Кара-Куджура на Тянь-Шане (Рис. 3, 11), а аналогией передней луке — также накладка из к. 54 Улуг-Хову (Рис. 3, 10), даже несмотря на его явно более позднюю датировку (Кызласов, 1979. С. 136; Рис. 93, 1; 96, 2). В тюркской изобразительной традиции такое седло схематически прорисовано на валуне из могилы 16 Кудыргэ (Гаврилова, 1965. Табл. VI, 2).

Следующие изменения в типе китайского седла связанные в первую очередь с появлением отогнутых в стороны лопастей, фиксируются барельефами на гробнице императора Тай-Цзуна в Чаолине (заложённой в 637 г.), использованных как опорные в своих классификациях и С.И. Вайнштейном, и А.К. Амброзом. Прорисовывая седла боевых лошадей Тай-Цзуна, исследователи получили заметно различающиеся результаты: у С.И. Вайнштейна — седло с сильно наклонной вперёд изогнутой передней лукой (Вайнштейн, 1966. Рис. 7, 15), а у А.К. Амброза — с ровной слегка наклонной лукой с вертикальной посадкой (Амброз, 1973. Рис. 2, 22). Причиной, скорее всего, стало не существование 6 разных барельефов, детали седел на которых различаются не настолько заметно, а копии оригинальных барельефов 637 г. Создание копий — вопрос запутанный, которому посвящено несколько специальных исследований (Waley, 1923; Fernald, 1935). Согласно письменным источникам, оригинальные стелы, поставленные Тай-Цзуном в Чаолине в 637 г., были ско-

пированы в натуральную величину и в более мелких табличках в 1089 г. по приказу Ю Ши-сюна, в процессе чего были использованы рисованные копии барельефов художника Йен Ли-Пена (ум. в 673 г.). Иногда копии просто приписывают Йен Ли-Пену (Sherman, 1966. Pl. 336), но прямых данных об этом нет. Рисунки Йен Ли-Пена (вероятно, схематически скопированные на «стеле Ю Ши-сюна» (Fernald, 1935. Fig. 7)) скорее всего понадобились, поскольку использовавшиеся при копировании чернильные отпечатки барельефов на бумаге не могли адекватно отразить детали (ср. «псевдоотпечатки»: Fernald, 1935. Fig. 5; 6).

Стела лошади «Неожиданная роса» из Филадельфийского музея (Fernald, 1935. Fig. 4), седло с которой совпадает с «танским» А.К. Амброзом, полностью копирует разрушенный памятник, но отличается от оригинала (Kummel, 1921. Taf. 20; Fernald, 1935. Fig. 3; Grousset, 1951. Pl. II, 14) в мелких деталях изображения, в том числе в передаче седла. Копиист барельефа не понял форму передней луки седла, накрыв её какой-то попоной и обмотав поводом. Его лука оказалась посаженной на полки вертикально, что в обычном положении седла даёт её небольшой отгиб назад. Очевидно, такой должна быть высокая дуговидная лука (Рис. 3, 4, 6). Изменение формы луки оригинального барельефа несомненно связано со стереотипным пониманием седла копиистом, попытавшегося отразить седло приближенным к его эпохе. Показательны в этом плане так называемые «псевдоотпечатки» стел (Fernald, 1935. Fig. 5; 6), где среди прочих неточностей нарисованы обычные для XII–XIV вв. стремени (хотя седла как раз переданы с наклонной лукой). Седло с наклонной задней лукой и вертикальной передней можно увидеть на статуэтке из коллекции С.Х. Шоха, датированной на основании иконографических деталей эпохой Вэй (March, 1934. P. 18), и на близкой к ней статуэтке из лондонской галереи Хью М. Мосс, датированной уже на основании термо-люминисцентного анализа концом VII — нач. VIII в. (Watson, 1970. Fig. 70). Очень короткое седло с вертикальной лукой изображено на статуэтке лошади, также раскрашенной в «стиле Вэй», но датированной временем ранней Тан (Галерея Марка Ричардса, Лос-Анджелес,

лот № 2618 \ 2005 г.). Седло с более высокой и массивной передней лукой видим на статуэтке нач. VIII в. (Watt, 1990. Fig. 82). Как видим, седло с вертикальной передней лукой действительно существовало во 2-й пол. VII — 1-й пол. VIII в. На «стеле Ю Ши-сюна» (Fernald, 1935. Fig. 7) «Неожиданная роса» изображена с седлом с вертикальной лукой, также, как и другие две лошади, повернутые головой влево. Зато у лошадей, повернутых головой вправо, все луки наклонены вперед. Такое искажение, очевидно, отражает позицию художника при рисовании, обусловленную особенностями Чаолинского камплекса (ср. ракурс фотографии М. Шаванна (Fernald, 1935. Fig. 3). Учитывая, что рисунки лошадей на стеле Ю Ши-сюна с высокой долей вероятности копируют рисунки Йен Ли-Пена, их создание действительно может быть отнесено к 50–60-м гг. VII в.

В определенном смысле это реабилитирует использование А.К. Амброзом седла с вертикальной передней лукой как отражающего реалии Танской эпохи, но несколько корректирует его хронологическую позицию по сравнению с седлами барельефов 637 г. Последние С.И. Вайнштейн выделил в тип III, а их археологическим эквивалентом посчитал седло из к. 2 Кокэля и «короткое» седло из Галиата (Вайнштейн, 1966. Рис. 7, 8–10, 18–20). А.К. Амброз при реконструкции деревянной основы «танского» седла использовал всё то же седло из к. 2 Кокэля (Амброз, 1973. Рис. 5, 4), что, в сумме, вывело исследователей к общему знаменателю, правда, путем игнорирования очевидной разницы в типе и высоте передней луки седел барельефов и седла к. 2 Кокэля.

Все седла с барельефов гробницы Тай-Цзуна действительно сближает с кокэльским из к. 2 форма деревянных полок — это ленточки укороченных пропорций с лопастями, без прогиба по центру (Рис. 3, 5, 8) или же с возможным небольшим прогибом (Амброз, 1973. Рис. 5, 4). Точную форму задних луков по изображениям в профиль установить уже невозможно, но по ширине они кажутся уже кокэльских и галиатских, а это, как мы установили для восточноевропейских седел, может служить хронологическим показателем. Общим моментом в конструкции луков седел с

чаолинских барельефов и их копий является более высокая передняя лука, но их форма различается. На барельефе лошади «Неожиданная роса» седло изображено с высокой изогнутой трапецевидной лукой, наклонённой вперед (Рис. 3, 9). Однотипные луки, но несколько ниже, изображены и на барельефах других лошадей (Strzygowski, 1930. Ill. 625). По наклону и изогнутости они близки луке седла из Сивашовки (рис. 1, 16), но реконструируемая лука «танского» седла (Рис. 3, 10, 11) оказывается намного ближе более архаическим лукам седел из к. 1 Кара-Куджура и к. 54 Улуг-Хову (Рис. 3, 7).

Форма вертикальных луков копий (Fernald, 1935. Fig. 7) близка бородаевской и реконструированной нами луке седла из к. 17 Чир-Юрта (Рис. 1, 6, 11). Хорошо видно, что крепились они к полкам, так же, как луки из Бородаевки и к. 17 Чир-Юрта, сверху, вплотную к началу лопасти. Учитывая, что при принадлежности копий Йен Ли-Пену от даты создания оригиналов их отделяло всего 30 лет, речь идет об изменениях, случившихся не позднее 50-х гг. VII в.

Таким образом, несмотря на схожесть типа ленточек, седла с чаолинских барельефов и их копий по форме передних из задних луков не могут быть тождественны седлам из к. 2 Кокэля и Галиата, будучи, в то же время, близки более ранним седлам из Сивашовки, Бородаевки и к. 17 Чир-Юрта.

Ещё одно седло близкого типа известно по скульптуре из Восточного Туркестана (Вайнштейн, 1966. Рис. 6; 1990. Рис. 100, 5). По типу стремян статуэтка датируется широко VIII–IX вв., но появляются близкие стремени впервые на изображении 708 г. (Амброз, 1973. Рис. 2, 28). У рассматриваемого седла (Рис. 3, 3) всё те же укороченные ленточки с лопастями, но от седел 637 г. их отличает сильный прогиб полок (Рис. 3, 2), наблюдаемый на одном из галиатских седел (Рис. 1, 3). Задняя лука высокая, наклонная, так же, как и передняя. Форма последней, очевидно, близка кудыргинской (Рис. 3, 1), а выполнена она из тонкой прогнутой дощечки и закреплена так же, как и в седле из к. 17 Чир-Юрта, у края лопасти. У данного седла по сравнению с седлами из Галиата и к. 2 Кокэля, более архаичная форма передней луки, хотя в целом они близки.

Если совместить хронологические колонки китайского и восточноевропейского жесткого седла VII — 1-й VIII вв., седла из Сивашовки и Бородаевки (Рис. 1, 13, 16) окажутся близкими соответственно седлам с оригинального изображения 637 г. (Рис. 3, 9) и седлу с копии чаолинских барельефов 60–70-х гг. VII в. (Рис. 3, 6). Отличия европейских седел заключаются в длине и сильным прогибе деревянных полок ленчика, а также в высоте передней и задней лук, которые у китайских седел значительно выше. Эти различия хронологические и маркируют чуть более позднюю временную позицию обоих европейских седел по сравнению с китайскими. Седло из к. 17 Чир-Юрта (Рис. 1, 8) ближе всего седлу статуэтки VIII в. из Восточного Туркестана (Рис. 3, 3), а галиатские седла (Рис. 1, 3, 5) уже аналогичны по конструкции тюркскому седлу из к. 2 Кокэля.

Сравнение византийских, персидских, аварских, лангобардских, тюркских и китайских седел VI–VIII вв. с седлами восточноевропейских кочевников обнаруживает, что эволюция последних во 2-й пол. VII — 1-й VIII вв. в целом совпадает с развитием тюркских и китайских седел, а сам новый тип жесткого седла в Восточную Европу проникает в сер. VII в. (не раньше 40–50-х гг.).

Собственно, констатацией этого факта можно было бы и закончить данный небольшой очерк, но появление статьи А.В. Симоненко (Симоненко, 2004), аргументирующей существование жесткого седла уже в сарматское время, вносит в проблему довольно неожиданную струю. Дело в том, что практически точная изобразительная аналогия ленчикам седла из Сивашовки (Рис. 1, 16) происходит ещё из комплекса хуннского времени Сибирка на Горном Алтае (I в. до н.э. — I в. н.э.) (Рис. 3, 13, 14), причём это седло А.В. Симоненко считает имеющим деревянную основу (Симоненко, 2004. С. 225; Рис. 1, 8).

Гипотеза о том, что жесткое седло в Северном Китае является тюркским заимствованием, далеко не нова. Предположив, что этот тип седла непрерывно развивался на Алтае с I в. до н.э. до VII в. н.э., причём он не попал в Европу ни с гуннской миграцией IV в., ни с миграцией авар середины VI в., мы вынуждены будем связать его появление здесь в VII в. с

военной активностью Западно-Тюркского каганата 20-х гг. VII в. Дело, собственно, за малым — найти археологические следы использования сарматами или хуннами деревянной основы седла. В противном случае эволюцию жёсткого седла у тюрков и китайцев придётся считать синхронной и взаимосвязанной, а появление в Восточной Европе жесткого седла с отогнутыми лопастями и глубоко прогнутыми ленчиками, более развитого по сравнению с китайскими барельефами 637 г. (учитывая, что после 630–632 гг. прямые связи Восточной Европы с Западно-Тюркским каганатом были разорваны) приходится связывать с новой восточной волной кочевников 2-й пол. VII в., вызванной экспансией Хазарского каганата.

Сходство формы ленчиков сивашовского седла и седла изображения из Сибирки находит на другой вариант объяснения, кроме их генетической связи. Форма седла эволюционировала в направлении максимального удобства для всадника, пребывающего целый день в седле. Появление выступающих лопастей ленчиков совпало с заменой левой подножки на парные стремяна, что обеспечивало всаднику другой тип посадки с постоянно полусогнутыми ногами. Свободное свисание ног в седле с лопастями было неудобным, поэтому езда на таком седле без стремян должна быть проблематичной. Но, как это ни парадоксально, восточноевропейские кочевнические комплексы горизонта Сивашовки вообще лишены стремян; не было их и ни в одном из рассмотренных погребений с остатками деревянных седел (Сивашовка, Бородаевка, Шиловка, к. 17 Чир-Юрта), ни в подкурганном комплексе из Павловки, где также найдено деревянное седло (Багaley, 1905. С. 85); и только в наиболее богатом комплексе группы из Перещепины седло сочеталось с парными стремянами. Предположение, что это специфическая деталь погребального обряда, опровергают изображения лошадей на обкладке лук седла из Шиловки, где изображена только подпруга, а контуров путлища нет (Рис. 2, 1). С.И. Вайнштейн также обратил внимание на рисунок на луке седла из м. 9 Кудырге, где ноги всадников свисают свободно, хотя в этом же погребении найдены стремяна (Вайнштейн, 1966. С. 66). Единичны находки стремян VII в. и во всём ареале Западно-Тюркского кагана-

та. Похоже, в русле западнотюркских традиций, восточноевропейские кочевники до нач. VIII в. действительно практиковали технику бесстремянной езды, даже на приспособленном для езды со стремени жестком седле с лопастями. Ради справедливости, отметим, что позволило последнее, очевидно, только появление во 2-й пол. VII в. глубокого прогиба ленчиков (Сивашовка, Бородаевка), сходного с прогибом седла на изображении из Сибирки (Рис. 3, 14). Независимо от того, являлось ли последнее жестким или мягким, сходная посадка всадника предполагает сходную технику верховой езды, практиковавшуюся какой-то группой населения алтайского происхождения.

Широкое внедрение в VIII в. стремня привело к изменению посадки всадника. Возвышающееся над холкой ещё в традиции «цинских» седел, седло «танского» типа постепенно стало «деэволюционировать». Его полки раздвинули, что обеспечило более глубокую и устойчивую посадку самого седла, следствием чего стала и замена глубоко прогнутого ленчика на практически ровные деревянные полки сначала с высокой передней лукой, а затем и задней. Уже к концу эпохи Тан седло перестало быть актуальным активно развивающимся нововведением, поэтому не удивительно, что к IX в. параллельно сосуществовали разные типы седел соответственно разной специализации лошадей.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А.К., 1973. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. № 4.
- Амброз А.К., 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половине VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Багалец Д.И., 1905. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии // Труды XII АС. Т. I.
- Багаутдинов Р.С., Богачёв А.В., Зубов С.Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Вайнштейн С.И., 1966. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. № 3.
- Вайнштейн С.И., 1972. Историческая этнография тувинцев. М.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В., 1984. Седло и стремя // СЭ. № 6.
- Вайнштейн С.И., 1991. Мир кочевников Центральной Азии. М.
- Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудыргэ как исторический источник по истории алтайских племен. М.
- Гавритухин И.О., 2001. Хронология «среднесаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк.
- Гавритухин И.О., 2005. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ремешковой гарнитуры) // Хазары. Иерусалим-М.
- Дмитриев А.В., 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4.
- Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонакова Н.А., 1997. Сокровища хана Кубрата: Перещепинский клад. СПб.
- Засецкая И.П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV — V вв.). СПб.
- Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. № 2.
- Комар А.В., 2000. Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк.
- Комар О.В., 2002. Населення степів Північного Причорномор'я VI — початку VIII ст. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ.
- Комар А.В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — нач. VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк.
- Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С., 2006. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк.
- Конь и всадник: взгляд через века. М., 2003.

Круглов Е.В., 1992. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. № 4.

Крупнов Е.И., 1938. Галиатский могильник, как источник по истории алан-оссов // ВДИ. № 2.

Кызласов Л.Р., 1979. Древняя Тува. М.

Маврикий, 1903. Тактика и стратегия. СПб.

Магомедов М.Г., 1975. Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника // СА. № 1.

Плетнева С.А., 2003. Кочевники южно-русских степей в эпоху средневековья — IV–XIII века. Воронеж.

Симоненко А.В., 2004. Седло сарматского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.

Синицын И.В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки СГУ. Вып. XVII. Саратов.

Art through fifty centuries (from the the collections of the Worcester Art Museum). Worcester., 1948.

Byzance., 1992. L'Art Byzantine dans les collections publiques francaises. Paris.

Byzantine women and their world. New Heaven, 2003.

Connolly P., van Driel-Murrey C., 1991. The Roman Cavalry Saddle // Britannia. Vol. 22.

Cradle of Christianity., 2000. Jerusalem.

Chirshman R., 1962. Iran. Parthene Sassanides. Gallimard.

Dien A.E., 1981. A Study of Early Chinese Armour // Atribus Asiae. Vol. 43. № 1/2.

Fernald H.E., 1935. The Horses of T'ang Ta'i Tsung and the Stele of Yu // Journal of the American Oriental Society. Vol. 55. № 4.

Goodrich C.H., 1984. Riding Asrtide and the Saddles of Ancient China // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 44. № 2.

Goodrich C.H., 1986. The Saddles of the Bronze Horses of Lei-t'ai // Journal of the American Oriental Society. Vol. 106. № 1.

Grousset R., 1951. La Chine e son Art. Paris.

Hobson R.L., 1919. The Eumorfopoulos Collection IV: Pottery from Han to T'ang // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 34. № 195.

Jayne H.H.F., 1930. Note on Chinese Pottery Horses // Parnassus. Vol. 2. № 6.

Kidder J., 1987. The Fujinoki Tomb and Its Grave-Goods // Monumenta Nipponica. Vol. 42. № 1.

Kummel O., 1921. Die Kunst Ostasiens. Berlin. Magistra Barbaritas. I barbari in Italia. Milano, 1984.

March B., 1934. New pre-Sung pottery // Parnassus. Vol. 6. № 5.

Muthesius A., 1997. Byzantine Silk Weaving AD 400 to AD 1200. Vienna.

Pierce H., Tyler R., 1936. The Prague Rider-Silk and the Persian-Byzantine problem // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 68. № 398.

Rom und Byzanz. Shatzkammerstucke aus bayerischen Sammlungen. Munchen, 1998.

Splendeur des Sassanides. Bruxelles, 1993.

Strzygowsk J., 1930. Asiens bildende Kunst in Stichproben, ihr Wesen und ihre Entwicklung. Augsburg.

Waley A., 1923. Ta'i Tsung's Six Chargers // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 43. № 246.

Watson W., 1970. Sui and T'ang Figurines and Vessels // The Burlington Magazine. Vol. 112. № 808.

Watt J.C.Y., 1990. The Arts of Ancient China.

Yetts W.P., 1927. The Exhibitions of Chinese Objects // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 51. № 297.

Yetts W.P., 1947. Chinese Ceramic Figures // The Burlington Magazine for Connoisseurs. Vol. 89. № 530.

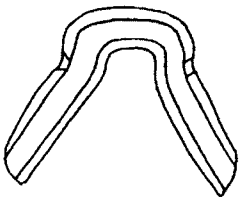
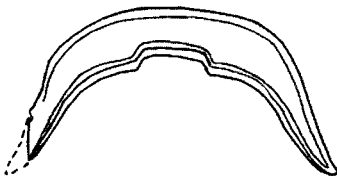
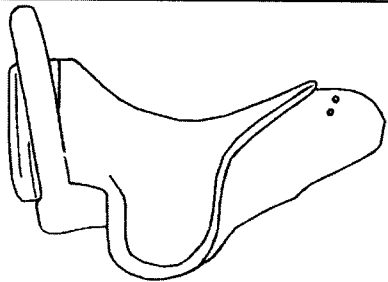
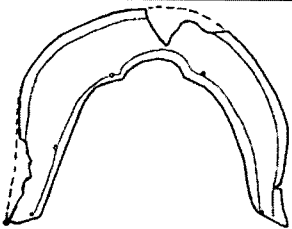
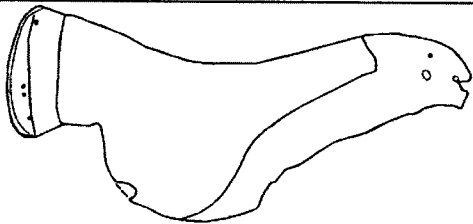
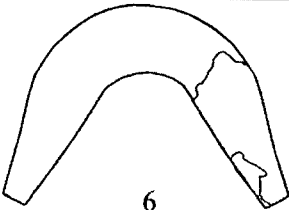
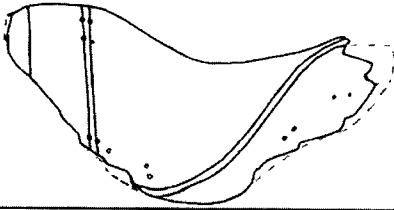
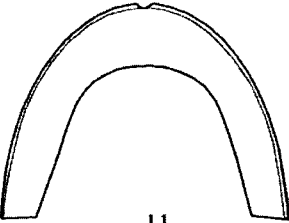
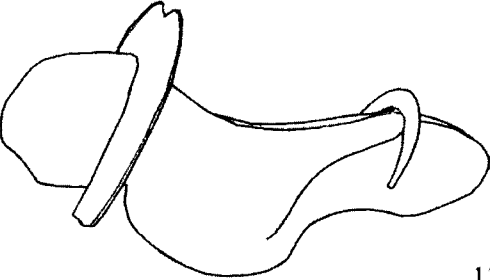
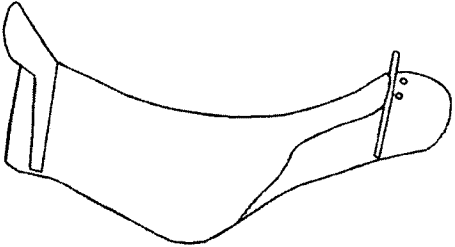
передняя лука	задняя лука	ленчик	
 1	 2	 3	2-я четверть VIII в.
	 4	 5	
 6	 7	 8	нач. VIII в.
 9	 10		4-я четверть VII в.
 11	 12	 13	
 14	 15	 16	3-я четверть VII в.

Рис. 1. Хронологическая таблица седел Восточной Европы VII — 1-й пол. VIII в.: 1–5 — Галиат; 6–8 — к. 17 Чир-Юрта; 9, 10 — Перещепина; 11–13 — п. 5 к. 9 Бородаевки; 14–16 — п. 2 к. 3 Сивашовки. 6, 7, 11, 12, 14–16 — реконструкция. Без масштаба

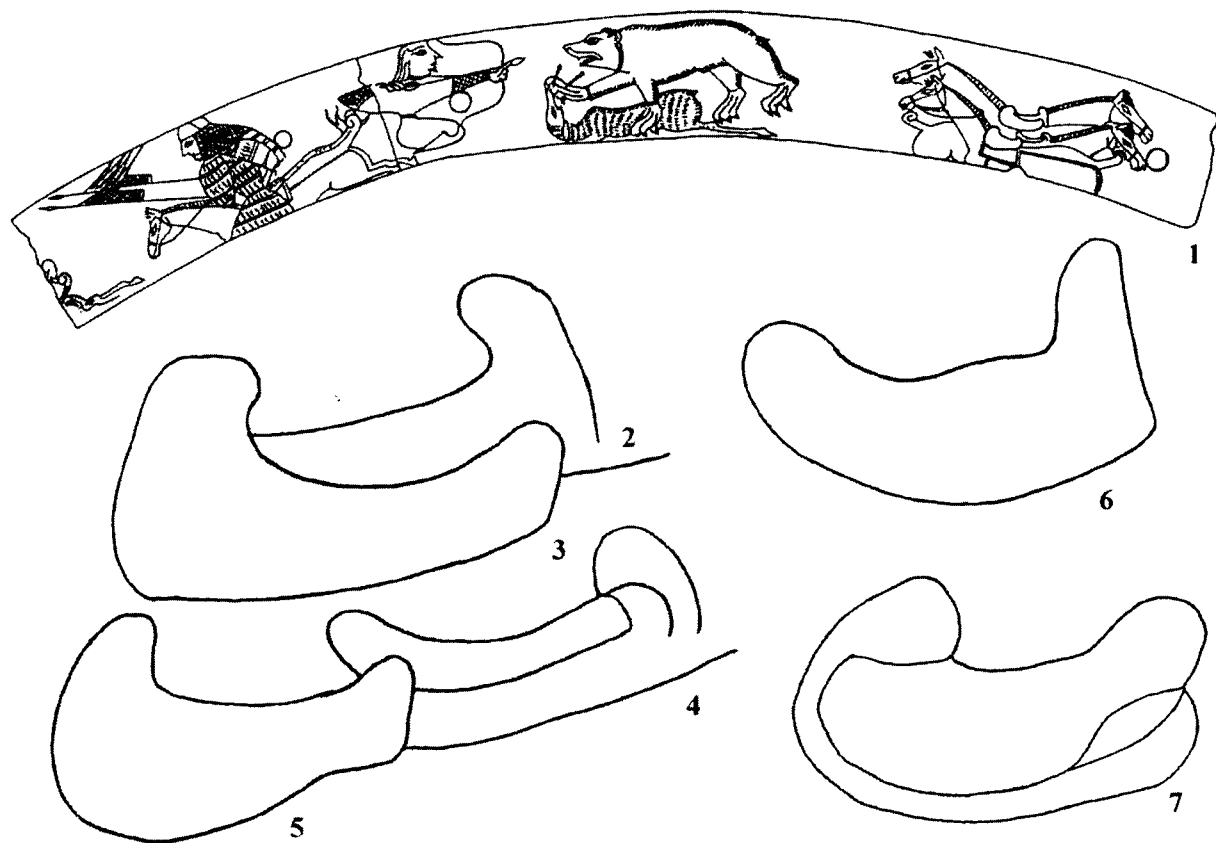

Рис. 2. Восточноевропейские седла VIII–IX вв. в изобразительной традиции: 1–5 — к. 1 Шилловки; 6, 7 — ковш из Коцкого городка. Без масштаба

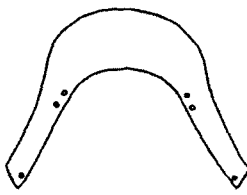
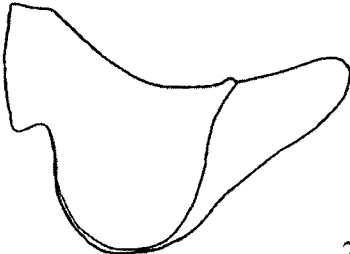
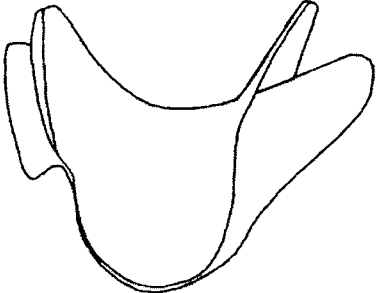
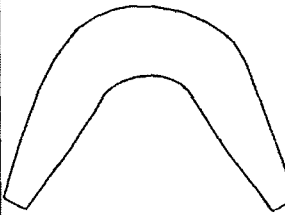
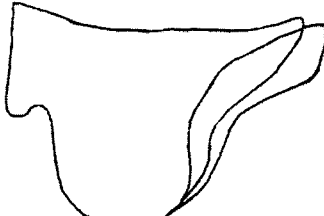
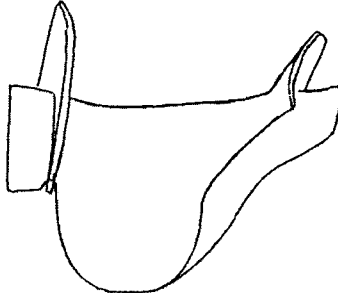
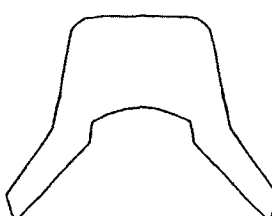
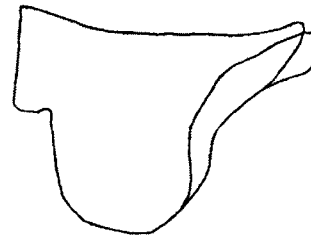
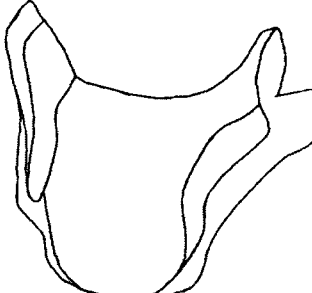
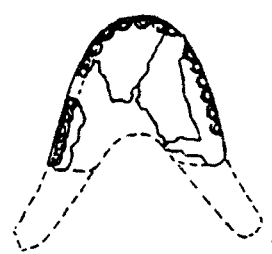
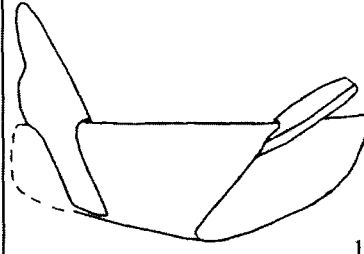
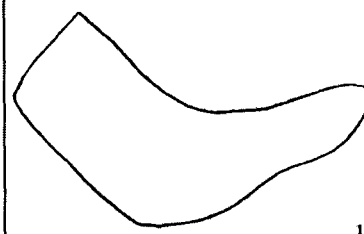
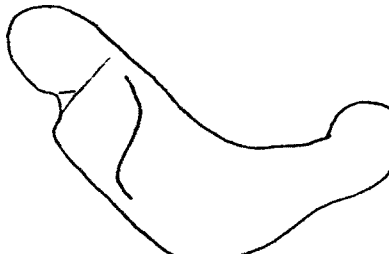
передняя лука	ленчик	седло	
			VIII в.
1	2	3	
			60-70-е гг. VII в.
4	5	6	
			637 г.
7	8	9	
			576 г.
10	11	12	
			I в. до н.э.
	13	14	

Рис. 3. Хронологическая таблица седел Китая VI–VIII вв. и их тюркские аналогии: 1 — м. 9 Кудыргэ (Алтай); 2, 3 — статуэтка из Восточного Туркестана, VIII в.; 4–6 — копии барельефов гробницы Тай-Цзуна в Чаолине, 60–70-е гг. VII в. (?); 7–9 — Чаолинь, 637 г.; 10 — к. 54 Улуг-Хову (Тува); 11 — к. 1 Кара-Куджур (Тянь-Шань); 12 — статуэтка из Северного Китая, 576 г.; 13, 14 — Сибирка (Алтай). 2, 4, 5, 7, 8, 13 — реконструкция. Без масштаба